ИЗДАТЕЛЬСТВО ГРАМОТА

Филологические науки. Вопросы теории и практики
Philology. Theory & Practice

ISSN 2782-4543 (online)
ISSN 1997-2911 (print)

2026. Том 19. Выпуск 10 | 2026. Volume 19. Issue 10
Материалы журнала доступны на сайте (articles and issues available at): philology-journal.ru

RU

Специфика интерпретации поэтического творчества Роберта Бернса в советском литературоведении 1950-х гг.

Яшина Т. А., Холодкова Ю. В., Дронова О. В.

Аннотация. Цель исследования – получение и обобщение результатов, характеризующих специфику осмысления особенностей восприятия сатиры Роберта Бернса в советском литературоведении 1950-х гг. В статье рассмотрена специфика исследовательского восприятия бернсовского наследия в этот период, обусловленная во многом идеологическими процессами в советском обществе, с учетом которых актуализировались прочтения многих текстов шотландского поэта. Научная новизна исследования состоит в том, что впервые систематизируются и интерпретируются взгляды Е. А. Макаровой на сатиру Роберта Бернса, что позволило проанализировать и осмыслить его творчество с позиции советских идеологов. В духе эпохи в советском литературоведении 1950-х гг. акцентируются противоречия, возникающие между представителями различных социальных классов, отмечается неизбежность расплаты, ожидающей деспотичных правителей, звучит мысль о неизбежности прогрессивных перемен в жизни. В результате исследования на примере конкретных произведений («Две собаки», «Обращение Вельзевула», «Ода на смерть миссис Освальд» и др.) осмысливается эволюция бернсовской сатиры, происходившая под влиянием общественных изменений, в частности вызванных событиями Великой Французской революции.

EN

Specifics of the interpretation of Robert Burns's poetry in Soviet literary studies of the 1950s

T. A. Yashina, Y. V. Kholodkova, O. V. Dronova

Abstract. The aim of the research is to examine how Robert Burns's satire was perceived in Soviet literary studies during the 1950s. The article analyzes the specific nature of the reception of Burns's legacy during this period, a reception which was largely shaped by the ideological processes within Soviet society and influenced the interpretation of many of the Scottish poet's texts. The scientific novelty of the study lies in the fact that E. A. Makarova's views on the satire of Robert Burns are systematized and interpreted for the first time, making it possible to analyze and conceptualize his work from the perspective of Soviet ideologues. Reflecting the spirit of the era, Soviet literary studies of the 1950s emphasized the conflicts between different social classes, highlighted the inevitable retribution awaiting despotic rulers, and underscored the inevitability of progressive social change. As a result of the research, it was established that through an analysis of specific works, such as "The Twa Dogs", "Address of Beelzebub", and "Ode, Sacred to the Memory of Mrs. Oswald of Auchencruive", etc. – the author explores the evolution of Burns's satire as it was shaped by societal shifts, particularly provoked by the events of the French Revolution.

Введение

В советском литературоведении сатирическая линия традиционно характеризовалась как одна из наиболее ярких в творчестве Бернса, при этом утверждалось нерасторжимое единство утверждающего и критического начал в эстетике шотландского поэта, у которого сатира оказывалась рядом с воспеванием дружбы и любви, повседневного крестьянского труда. Считая тему народа основной темой в творчестве Бернса, исследователи традиционно говорили об особой близости поэта мировосприятию шотландских соотечественников: изображая народные бедствия, шотландский поэт неизменно утверждал нерушимую стойкость простых людей, неистребимость вольнолюбивых бунтарских традиций народа. В духе советских политических представлений неизменно подчеркивалось, что в самой жизни поэт сумел увидеть силы, несущие в себе залог грядущего освобождения человечества от власти, титула и денег, от гнета классовой и национальной

Научная статья (original research article) | https://doi.org/10.30853/phil20260502

© 2026 Авторы. © 2026 ООО Издательство «Грамота» (© 2026 The Authors. © 2026 Gramota Publishing, LLC). Открытый доступ предоставляется на условиях лицензии CC BY 4.0 (open access article under the CC BY 4.0 license): https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/

несправедливости; и именно это дало ему возможность заглянуть далеко в будущее и гениально предугадать историческую обреченность всего, что стоит на пути к осуществлению заветных чаяний народа. Подобные трактовки, наиболее полно сформулированные в работах литературоведа Е.А. Макаровой, опубликованных в 1950-е гг., и станут предметом рассмотрения в настоящей статье.

Актуальность данного исследования обусловлена интересом как отечественных, так и зарубежных литературоведов к созданию целостной картины рецепции творчества Роберта Бернса в России. В Советском Союзе господствовало иное, отличное от европейского, представление о шотландском поэте и английской литературе в целом. Советский читатель фрагментарно знакомился с произведениями английской классической литературы. Критики тщательно отбирали произведения для перевода с английского на русский язык. Данная фрагментарность мешала созданию целостной картины восприятия английского литературного творчества. Многие произведения адаптировались под советские реалии. Лирика Бернса оказалась во многом созвучной представлениям о народном поэте, который по причине бедного происхождения не получил специального образования. Многие стихи Роберта Бернса отражали, по мнению советских идеологически ангажированных исследователей, чаяния и беды простого крестьянина-пахаря, высмеивали пороки представителей высшего сословия. Именно в таком ракурсе и воспринимался шотландский бард в эпоху Советского Союза, что вызывало неподдельный интерес со стороны различных исследователей мировой литературы в целом.

Для достижения вышеуказанной цели необходимо решить следующие задачи: охарактеризовать доминирование идеологического компонента в интерпретации произведений Роберта Бернса в Советском Союзе в 1950-е гг., выявить и систематизировать наиболее значимые темы, затрагиваемые в творчестве Роберта Бернса, проанализировать художественную специфику и особенности восприятия сатиры шотландского барда в критических работах Е. А. Макаровой.

Материалом для исследования послужили статьи Е. А. Макаровой «О сатире в творчестве Бернса» и «Социальная сатира в поэзии Бернса восьмидесятых годов», опубликованные в конце 1950-х гг. и ставшие важной вехой в осмыслении бернсовской сатиры с советских идеологических позиций. Теоретическую базу исследования составляют фундаментальные труды в области исторической поэтики Александра Н. Веселовского (1989) и В. М. Жирмунского (1978), компаративистики Алексея Н. Веселовского (1916) и Ю. Д. Левина (1990), истории русской переводной художественной литературы М. П. Алексеева (1982), теории и истории поэтического перевода А. В. Федорова (1941), что позволяет рассмотреть интерпретации Роберта Бернса с позиций изучения русско-английских литературных связей и исторической поэтики (Гиривенко, 2000), выявить динамическое взаимодействие в рамках жанрового и стилевого разнообразия (Орлов, 1939). Наиболее значительные российские исследования творчества Р. Бернса связаны с именами Р. Я. Райт-Ковалевой (1959), А.А. Елистратовой (1957), Б. И. Колесникова (1967), посвятивших шотландскому поэту монографические работы, в которых обосновали использование литературоведческих, биографических методов в процессе анализа творчества шотландского барда и его интерпретационной базы. Проблемы восприятия бернсовских произведений в России исследовались С. А. Орловым (1939), Е. С. Белашовой (1958), Д. Н. Жаткиным (2008, с. 227), которые внесли значительный вклад в развитие истории художественного перевода в области исследования таких понятий лингвистического анализа поэтических произведений, как эквивалентность и адекватность при переводческой трансформации текста, своеобразие передачи образности и стиля оригинального произведения при переводе с английского на русский язык. В публицистических работах А. Л. Коптелова (1959, с. 160), Г. Герасимова (1959, с. 16), опубликованных на страницах советской печати к 200-летию со дня рождения Роберта Бернса в конце 1950-х, осмысливается рецепция творчества шотландского поэта с позиций советских идеологов, в духе социалистического реализма. В настоящей статье впервые изучаются материалы, связанные с литературно-критическим и литературоведческим осмыслением творчества Бернса в работах Е. А. Макаровой – советского литературоведа, публиковавегося во второй половине 1950-х гг.

Для проведения исследования рецепции и процесса осмысления бернсовской сатиры в рамках советской идеологической парадигмы в данной статье ключевую роль выполняют сравнительно-исторический и историко-функциональный методы, применяемые при выявлении фрагментов переосмысления текста в контексте культурных и исторических тенденций советского общества. При определении и анализе способов идеологической адаптации произведений Роберта Бернса использовались методы переводческого анализа и идеологической критики.

Практическая значимость данного исследования заключается в возможности ввести в научный оборот новые сведения о рецепции и критическом осмыслении творчества Роберта Бернса в России. Систематизированные материалы можно использовать при разработке факультативных курсов по сравнительному литературоведению и истории зарубежной литературы.

Обсуждение и результаты

В работах Е. А. Макаровой была сформулирована целостная концепция, базировавшаяся на идеологических постулатах советского общества и опиравшихся на них представлениях о Бернсе как об обладавшем классовым сознанием поэте-демократе, творчество которого имеет прогрессивное и даже революционное значение. Е. А. Макарова вступала в жесткую полемику с западными исследователями Бернса, которые, по ее мнению, недооценивали бунтарскую направленность и сатирическую остроту бернсовской поэзии. Для исследовательницы особо важно подчеркнуть, что сатира Бернса не ограничивается акцентировкой злоупотреблений

со стороны служителей церкви (хотя это направление и является для поэта очень важным), но распространяется и на другие сферы жизни, в частности содержит протест против несправедливого распределения общественного достояния, коррупции в парламенте, политического произвола. Глубоко отражая существенные стороны жизни народа, Бернс, по мнению Е. А. Макаровой, мастерски сочетает в своей поэзии утверждающее и критическое начала, лирику и сатиру: «Бедствия шотландского крестьянства и растущая политическая зоркость простых людей, их мечты о лучшем будущем и их ненависть к знати и богачам выступают в поэзии Бернса в том нерасторжимом единстве, в каком они существовали в действительности» (Макарова, 1959, с. 118).

Вслед за М. М. Морозовым Е. А. Макарова подчеркивает роль в текущих процессах аграрного переворота, обострившего социальные и политические противоречия, усугубившего межклассовые противоречия на фоне попрания прав и вольностей простых людей. С целью обличения верхов, кичившихся своим превосходством над народом, Бернс, по наблюдению исследовательницы, избирает объектами беспощадно язвительной и меткой сатиры «шотландскую знать, британское правительство, деспотичную пресвитерианскую церковь Шотландии, чиновников и законников, притеснявших и грабивших крестьян» (Макарова, 1959, с. 119). При этом для Е. А. Макаровой наиболее значим жизнеутверждающий пафос бернсовской сатиры, запечатлевшей «не только моральное превосходство простых людей, но и их трезвый критический ум, уничтожающую меткость их суждений, грозную силу их справедливого гнева» (Макарова, 1959, с. 119). Одной из особенностей произведений Бернса становится, на взгляд исследовательницы, стремление найти «прекрасное в той сфере жизни, которую правящие классы считали “низменной” и недостойной художественного воображения», причем в основе этого стремления была не фантазия, не попытка отойти от реального положения дел, а уверенность в стойкости и силе простого человека: «Просветительская вера в человека подкреплялась в сознании Бернса его близостью к народу, его убеждением в нравственном и социальном достоинстве людей труда. Именно поэтому Бернс создает боевую, целеустремленную сатиру в период ослабления сатирических тенденций в литературе английского Просвещения» (Макарова, 1959, с. 119).

Стремясь вписать творчество Бернса в контекст литературного развития в Англии, Е. А. Макарова пытается увидеть истоки стремления поэта писать для народа, а также осмыслить причины, определившие эстетическое единство бернсовской сатиры, не разрушаемое ни жанровым многообразием произведений, ни тематическими вариациями, ни мотивно-образными особенностями каждого из поэтических текстов. Для исследователя особенно значима преемственная связь бернсовского творчества с обличительной линией просветительской литературы XVIII века, прежде всего с произведениями Дж. Свифта: «Присущая сатирикам английского Просвещения, и прежде всего Свифту, глубина политического видения, гражданский пафос обличений, непримиримость по отношению к социальным порокам своего времени сочетаются в сатире Бернса с характерным для фольклора оптимистическим восприятием жизни и непосредственностью, живостью и яркостью красок меткого народного юмора» (Макарова, 1959, с. 119). Таким образом, обнаруживается еще один исток бернсовской сатиры – шотландская народная поэзия, нередко обличавшая действительность, обращаясь к эпизодам незатейливого быта, изображение которых, однако, не становилось самоцелью, а имело подчиненное значение по отношению к общему замыслу (Zhatkin, Futljaev, 2019, p. 110). Бернс не только использует разнообразные средства сатирического обличения, ставшие полноценной частью фольклорного творчества и литературных произведений предшествующих эпох, но и подчиняет их собственной значимой цели, заключающейся в стремлении «полнее и глубже отразить жизнь простых людей своего времени, выразить их настроения» (Макарова, 1959, с. 121).

Разрабатывая сатирические темы, Бернс легко переступает сформировавшиеся каноны, смешивает повествование и обличение, драматизм и юмор, элементы поэтического и комического, что отчетливо продемонстрировано Е. А. Макаровой на примере поэмы «Две собаки», где «рассказ о нужде и горестях крестьян идет рука об руку с задорным утверждением их превосходства над знатью, а сатирическая критика помещиков находит свое выражение то в презрительном разоблачении их тупости и лени (картины частной жизни аристократов), то в суровой инвективе (сцена издевательства над крестьянами, просрочившими оброк), то в юмористическом и в то же время гневном изображении политической деятельности шотландского представителя в парламенте» (1959, с. 121-122). Однако сатирический элемент оказывается существенным и для тех произведений Бернса, которые направлены на продвижение общественных идеалов, представлений о лучшем будущем. Обычно он появляется при создании контрастного изображения различных общественных групп, каждая из которых получает свою речевую и портретную характеристику, оттененную языковыми и стилистическими средствами. Например, в стихотворении «Древо свободы» Е. А. Макарова усматривает два четко различающихся и при этом соотносящихся друг с другом плана описания – «пламенное утверждение интересов и надежд британского и французского народов» и «убийственную в своей плебейской резкости насмешку над жалкой судьбой короля Людовика, остро комическое изображение неудач коалиционных войск» (1959, с. 122). Выразительность сатирических портретов проповедников в поэме «Святая ярмарка» усиливается бытовыми деталями, изображением народного веселья; в «Тэме О'Шентере» сатирическое описание оттенено элементами народной фантастики, мистики, бесовщины.

Критикуя стремление зарубежных исследователей представить Бернса сторонником либерального гуманизма, склонным к расплывчатому выражению мысли, постоянным колебаниям и всепрощению, Е. А. Макарова изображает шотландского поэта цельной личностью с четкими жизненными устремлениями, базирующимися на демократическом мировоззрении. Не стремясь к каким-либо значимым обобщениям, Бернс концентрируется на подборе и интерпретации конкретных фактов, казалось бы, незначительных штрихов повседневности,

способных вызвать ассоциации, глубокие размышления о жизни. Е. А. Макарова умело выявляет эти кажущиеся несущественными детали, каждая из которых многое говорит о людях бернсовской эпохи. Например, исследовательница обращает внимание на эпиграмму «Книжный червь», в которой поводом для осмеяния показной образованности представителей знати становится изящный, богато оформленный том Шекспира, который никто не читал и не планировал читать. Не менее ярким является стихотворение «Два пастуха», в котором перебранка священников обнажает их внутреннюю деградацию, в частности сребролюбие, ограниченность и распущенность. Описывая противоречия, возникающие между разными людьми (относящимися как к одной, так и к разным социальным группам), Бернс никогда не стремился к изображению каких-то единичных, экзотических проявлений; напротив, он всегда выделял нечто типичное, характерное для общественных отношений, в результате чего его произведения оказывались близки и понятны широкому кругу читателей (Zhatkin, Yashina, 2020, p. 206).

По мнению Е. А. Макаровой, по мере творческого взросления Бернса происходило расширение его «политического кругозора», приведшее к появлению в его произведениях 1790-х гг. «революционно-демократических мотивов», отчасти вызванных событиями Великой Французской революции: «Бернс многократно выражал сочувствие французским революционерам. Его творчество этих лет насыщено отголосками радикально-демократического движения. Его политические сатиры и песни распространялись в народе наряду с произведениями членов Корреспондентских обществ» (Макарова, 1959, с. 125). В этой связи Е. А. Макарова предлагает свою трактовку песни «Честная бедность», центральным вопросом которой считает «идеологическую борьбу между сторонниками решительных политических преобразований и защитниками реакции» (1959, с. 126). Исследователь пытается аккумулировать факты, свидетельствующие о закономерности неудач правящих кругов, которые оторвались от реальности, от логики действительности, а потому имеют искаженные представления о себе и о народе, претензии, не соответствующие требованиям жизни; в качестве материала для анализа в этой связи привлекаются стихотворения «Церковная тревога», «Древо свободы», баллада «Американская война», песня «Когда принцы и прелаты…». При этом отрицательные явления жизни, по наблюдению Е. А. Макаровой, могут характеризоваться с разных сторон, в результате чего «характерные для исторической обстановки того времени фигуры выступают то как мишень гневной сатиры, то как объект иронии, то как повод для меткой и острой шутки» (1959, с. 127).

Особой темой является противопоставление клерикальной и общественно-политической сатиры Бернса, характерное для многих зарубежных исследований, но неприемлемое для Е. А. Макаровой, воспринимающей бернсовское наследие как органичное целое, в котором сатира и обличение неотделимы от лирики, а антиклерикальный пафос – от общественно-политического (Zhatkin, Yashina, 2021, p. 110). В этой связи исследовательница отмечает, что церковь, государство, закон в едином комплексе выступают против народа, после чего приводит конкретные примеры из бернсовских текстов: «Бунтарский пафос заключительной песни нищих и бродяг направлен в кантате “Веселые нищие” против церкви и тюрьмы. Среди “всякой нечисти”, собранной на адском шабаше в церкви Алловей, находятся и “лживые языки законников”, и “протухшие сердца попов”. Утверждая право простого человека на счастье, Бернс посылает “к черту” церковь и государство (“Золотые кудри Анны”). Обращенная к податному инспектору сатира “Инвентарный список” звучит как вызов чиновничеству и духовенству» (Макарова, 1959, с. 128).

Пытаясь понять причины особого внимания Бернса к служителям культа, Е. А. Макарова подчеркивала ту важную роль, которую церковь играла в современном автору шотландском обществе. По ее наблюдению, «назначаемый помещиком сельский пастор имел неограниченную власть деспота в своем приходе»: «Составленный пастором “церковный совет” имел право изгнать неугодного ему крестьянина и конфисковать его имущество. Церковные власти широко практиковали взятки, вымогательства и штрафы. <…> Правящие классы Шотландии стремились использовать церковный террор, чтобы подавить растущую активность простых людей, лишить их веры в себя, запугать их угрозой загробного возмездия» (Макарова, 1959, с. 128). В процессе анализа материалов Е. А. Макарова приходит к выводу о том, что интересы церкви и власти самым тесным образом смыкаются, что и те и другие не приемлют исконные народные начала, считают греховными народные песни и танцы, отдавая предпочтение текстам на латыни, характерным псалмам, эпитафиям, элегиям. Тем самым ортодоксальность и ученость начинают вместе выступать против «низких» жанров народного творчества, которое, в свою очередь, еще больше отдаляется от верхних слоев общества, полнится пародиями, анекдотами, шутками, остротами. Именно с этим народным творчеством напрямую соотносится авторское творчество Бернса, продвигавшееся в широкие народные слои благодаря своей понятности каждому слушателю, актуальности для его мировосприятия: «Сатиры Бернса, бичующие косность, фарисейство, корыстолюбие и деспотизм церковников, его пародии на церковные проповеди, псалмы, молитвы и эпитафии молниеносно распространялись среди крестьян и в устной передаче» (Макарова, 1959, с. 129). В работах Е. А. Макаровой вместе с тем подчеркивается «публицистический, боевой характер» антиклерикальных произведений Бернса, приводятся конкретные примеры из «Послания к Мак Мету» и стихотворения «Молитва святого Вилли».

Сближая антиклерикальные и общественно-политические сатиры Бернса, Е. А. Макарова отдельно подчеркивала использование шотландским автором устойчивого комплекса сходных художественных средств: «Рисуя алчность привилегированных хищников, их жестокость по отношению к народу, Бернс создавал образы, вызывающие ненависть и гнев читателя (“Обращение Вельзевула”, “Ода на смерть миссис Освальд” и др.), хотя комическое начало неизменно присутствовало и там. Иначе изображает сатирик ту сторону жизни общественных верхов, которая должна была олицетворять в глазах народа величие монархического правительства, незыблемость сословных и церковных авторитетов. Показная сторона государственной и церковной власти воплощается Бернсом в популярных в просветительской литературе комедийных, даже фарсовых образах»

(Макарова, 1959, с. 129). Бернс неизменно подчеркивал фарс в общественных отношениях, подобных некоей шутовской комедии, в которой каждый играет свою предопределенную роль.

Е. А. Макарова характеризует 1790-е гг. – время позднего творчества Бернса – как период решительного ослабления церковных и сословных авторитетов, когда чванная знать и духовенство уже не могли навязать народу своих стереотипов и догм, внушить конъюнктурные представления. Народ оставался при своем мнении: «Ссора священников в сатире “Два пастуха” показана поэтом на фоне “злорадного смеха” свидетелей их унижения. В “Молитве святого Вилли” “герой” жалуется на своего противника, чье остроумие заставило “весь свет неудержимо хохотать” над сторонниками ортодоксального кальвинизма. Карикатурные черты сатирического образа вельможи в песне “Честная бедность” даны Бернсом через восприятие “человека с независимым умом”, который смотрит на ленты и звезды заносчивого лорда и “смеется над всем этим”. Австрийский император изображен в песне “Когда принцы и прелаты…” как “парень, над которым посмеялся Париж” (Макарова, 1959, с. 130).

Из произведений Бернса, сатирически описывающих жизнь шотландских землевладельцев, исследовательница обращает особое внимание на поэму «Две собаки», сочетающую различные приемы и способы осмеяния, несущую в себе «и лукавую иронию, близкую по своему характеру к юмору фольклора, и язвительный сарказм, и гневный пафос прямого обличения» (Макарова, 1958, с. 187). Принадлежащий знатному лорду пес Цезарь и дворовая собака бедняка Люаф наделены у Бернса человеческими качествами; однако это всё-таки не аллегорические образы, столь характерные для басен или сказок. Поэма начинается с подробного рассказа об жизненном укладе, привычках Цезаря и Люафа, описания их забав и развлечений, однако неожиданно ракурс подачи материала резко меняется: собаки заводят разговор о людях, вследствие этого сказочные и баснные элементы уходят, вслед за ними исчезает и наигранная атмосфера безмятежности, чопорного благополучия. Смена интонации при описании оставляет сильное впечатление, тем более существенное, что живой разговорный стиль общения героев не меняется: «Собака лорда делится с приятелем своими наблюдениями над знатью, ее собеседник рассказывает о жизни и нравах бедняков. Все развитие обличительной темы подчинено строгой, логически обоснованной последовательности. Каждая строчка поэмы дышит глубокой верой в могущество разума, в действенную силу объективной критики. В ходе диалога раскрывается та оценка жизненных фактов, которую поэт как бы подсказывает читателю, раскрывая перед ним внутреннюю связь между явлениями, выступающими в повседневной жизни разрозненно и фрагментарно» (Макарова, 1958, с. 188).

По наблюдению Е. А. Макаровой, Бернс раскрывает просветительский тезис о несправедливости существующих взаимоотношений между человеком и обществом как вопрос о взаимоотношениях между знатью и народом в Шотландии. В «Двух собаках» жизнь богачей представлена глазами дворни, кормившей господ своей кабальной рентой и постоянно получавшей нагоняй от управляющего за просрочку платежей. В господском доме царят безделье и обжорство, представленные с яркими реалистическими подробностями. Причем именно через описания разительного несоответствия жизни бедняков и знати Бернс, по мысли Е. А. Макаровой, и выстраивает путь к более сложным проблемам и обобщениям, в частности отмечает привилегии знати и ее бесполезность для общества, чопорность и заносчивость богачей в сочетании с ничтожностью их внутреннего мира. В восходящих к сатирам Свифта описаниях Бернс представляет богачей паразитическим классом, не видящим подлинной красоты, достоинств земного бытия, не способным к человеческому сочувствию. Острота и непримиримость бунтарских суждений Бернса, как считает Е. А. Макарова, восходит не столько к литературной, сколько к фольклорной традиции. Ключевым критерием этических оценок поэта становится благо родины, способность конкретного человека соответствовать общественным интересам. Обличая равнодушие вельмож к народным интересам, их себялюбие, заискивание перед вышестоящими людьми, Бернс отбирает немногочисленные детали, которые, однако, в полной мере характеризуют общественные контрасты: «Мастерство сатирика заключается в его умении выделить из массы жизненных фактов то, что с наибольшей убедительностью и полнотой раскрывает типическую сущность ненавистного народу класса помещиков. Несколько лаконичных строк поэмы Бернса дают исчерпывающее представление не только о моральном облике и политической деятельности, но и о всей жизни титулованного бездельника. В эмоциональной насыщенности и четкости сатирического рисунка, в стремительном движении резко очерченных линий чувствуется сила накипевшего негодования, категоричность выношенных и проверенных жизнью суждений» (Макарова, 1958, с. 191).

В соответствии с идеологическими представлениями советского времени Е. А. Макарова детально рассуждает о рельефной заостренности противопоставления знати и крестьянства, в котором все симпатии шотландского поэта отданы скромному труженику, трудолюбивому и вместе с тем веселому, блещущему остротами на сельских вечеринках. Исследовательница отмечает, что трепетное отношение Бернса к жизни тружеников проявляется и на лексическом уровне, характеризуясь использованием разнообразных красочных эпитетов: «Он говорит о “сладком ощущении отдыха”, о “драгоценнейшей отраде” семейных привязанностей, о “бурном веселье” сельской молодежи, об “угрюмых зимних днях” и “леденящих” ветрах, о “вздымающейся пене” эля, о “дымящейся” трубке и т. д.» (Макарова, 1958, с. 191). Лорд, по представлениям Е. А. Макаровой, думает только о себе, тогда как крестьяне удручены неразумностью правителей, морально превосходят их.

В поэме «Две собаки», как и во многих других произведениях, Бернс идеализировал крестьянский быт, что происходило в условиях разорения крестьян и гибели их традиционного уклада. Отмечая это противоречие, Е. А. Макарова указывала, что «Бернс обращается к идеальному изображению недавнего прошлого, не находя иного способа показать поэзию сельского труда, глубину и силу семейных привязанностей крестьянина, красоту национальных традиций народа» (1958, с. 192). В результате возникают очевидные несостыковки между правдивым описанием нужды и горя и идиллическим представлением о сельском досуге и вечеринках. В этой

связи частные случаи, отклонения от нормы не интересуют Бернса: «Предположение Люафа, что причиной бедствий народа являются “некие подлецы” среди управляющих, высмеивается автором как нелепость. С такой же резкостью и гневом отклоняется попытка найти компромиссный выход из сложившихся взаимоотношений между крестьянами и помещиком. Наивные надежды Люафа на тех “парней” среди знати, которые “не причиняют ни капельки зла беднякам”, вызывают отпор у его собеседника» (Макарова, 1958, с. 193).

По всему тексту «Двух собак» Бернс сталкивает два ряда противоположных суждений на положение дел в Шотландии, обусловленное текущими изменениями: сначала выдвигается наивный тезис, призванный оправдать существующее положение вещей, однако немедленно следует ответная реплика, в которой предыдущая мысль полностью опровергается: «Не лишенный зависти, восторженный отзыв Люафа о жизни помещиков, его наивное предположение, что знать живет “для блага Британии”, служат поводом для уничтожающей сатиры на все светское общество» (Макарова, 1958, с. 193). Бернс, таким образом, смеется над наивностью значительной части крестьянского населения, отуманенного иллюзиями, и вместе с тем считает бесплодными любые попытки навязать народу чуждые ему позиции и взгляды: «В аллегорических образах собак читатель без труда угадывает тех самых крестьян, которые “с яростью, кипящей в груди”, говорят о правительстве и духовенстве и “отказываются понимать” антинародную политику лондонских законодателей. Тот самый юмор, который “сверкает” на сельских вечеринках, чувствуется в метких и беспощадных суждениях Цезаря и Люафа» (Макарова, 1958, с. 193).

Отмечая верность Бернса разговорному языку простых шотландцев, отчетливо проявившуюся в числе прочего и в поэме «Две собаки», Е. А. Макарова выделяет мастерство поэта, блестяще передающего посредством языковых средств разумность и острую наблюдательность народа. В частности, по ее наблюдению, «меткие и образные сравнения взяты из жизни и быта простых людей (честных людей “вырывают из земли с корнем и ветками”; светские дамы “выпивают изрядную порцию сплетней”; кошелек богача “длинен, как собачий хвост” и т. д.)» (Макарова, 1958, с. 193). В результате в поэме появляются и гневные обличительные тирады, и горькая ирония, и обида, тревога за судьбу родины. Задачей бернсовской сатиры в итоге становится не только осуждение произвола властей и принятие растущего протеста масс, но и обличение и высмеивание тех представителей простонародья, которые готовы смириться с несправедливостью жизни, стремятся взывать к милосердию и состраданию со стороны лордов.

В свете сказанного особую остроту приобрело стихотворение «Обращение Вельзевула», созданное Бернсом в 1786 г. и рисующее бесчеловечную жестокость новой знати по отношению к жителям Горной Шотландии (Селкерк, 1959, с. 31). В тот период именно на севере страны конфликт был особенно резок и остр, происходило разрушение целых деревень с целью высвобождения пространств для капиталистических хозяйств, осуществлялась бесчеловечная эксплуатация, подавлялись малейшие проявления непокорности. Под видом лояльности английскому правительству, испуганному событиями Великой французской революции, вожди кланов становились в Горной Шотландии абсолютными хозяевами жизни, произвол которых не знал границ. В основу стихотворения «Обращение Вельзевула» было положено реальное событие: пятьсот крестьян лорда Гленгарри объединились для организованного бегства в Америку, купили корабли для переезда через океан. Эти планы стали известны шотландским землевладельцам, членам Общества по делам Горной Шотландии, которые под демагогическими лозунгами о патриотизме, чести нации стали препятствовать массовому отъезду населения, потенциальных сельскохозяйственных рабочих, лишенных собственных земельных наделов: «В “Обращении Вельзевулла” Бернс вскрывает типическое значение события в поместье Гленгарри для всей современной ему шотландской действительности. Он показывает, что бегство горцев – результат нечеловеческих условий жизни, созданных знатью, что попытки дворян помешать эмиграции не имеют ничего общего с интересами народа» (Макарова, 1958, с. 196).

Для «Обращения Вельзевулла», по наблюдению Е. А. Макаровой, характерно сочетание глубины обобщений и острой злободневности, во многом основанное на художественных традициях просветительской сатиры: «Поэт нередко заимствует у своих предшественников отдельные мотивы и образы, обобщившие с большой сатирической силой характерные стороны общественно-политической обстановки в Британии. Переосмысляя их в плане конкретной ситуации, послужившей поводом к созданию той или иной сатиры, Бернс вносит в них черты местного колорита и придает им свойственную его поэзии лаконичную, доступную форму» (Макарова, 1958, с. 196). Центральный образ стихотворения – образ Вельзевулла – был заимствован Бернсом из сатиры Дж. Свифта, обращенной к доктору Делени: «Властитель ада, пославший в Ирландию своего наместника для того, чтобы разрушить страну, символизирует в стихотворении Свифта ненавистное ирландскому народу правительство Британии. Этот же символ раскрывает в сатире Бернса антинациональную и антинародную сущность политики шотландских аристократов. Образ Вельзевула, воплотивший основную мысль сатирика, проходит через все стихотворение, постепенно усложняясь и обогащаясь новыми мотивами» (Макарова, 1958, с. 196).

Нередко возникающий в творчестве Бернса образ черта в данном случае существенно трансформирован: это не «старый рогач», не «веселый Ник», не «дружище-сатана», а утонченный, рафинированный собеседник членов Общества по делам Горной Шотландии, использующий при обращении к последним высокопарный жанр торжественного стихотворного послания, наполненный приветствиями и пожеланиями, изъявлениями преданности и уважения (Zhatkin, Futljaev, 2019, p. 507). Послание Вельзевулла, датированное первым июня 5790 года от сотворения мира, направляется «высокочтимому лорду Бридлбейн, председателю дважды высокочтимого общества по делам Горной Шотландии, собравшегося в Ковент-Гардене 23 мая этого года для того чтобы обсудить способ предотвратить побег пятисот горцев, которые, как сообщил обществу мистер Меккензи Апплкрокс, зашли так далеко в своей дерзости, что замышляли бежать от своего законного лорда и господина, чьей собственностью они являются, и эмигрировать из владений мистера Макдональда Гленгарри в дебри Канады в поисках пресловутой выдумки, которую они называют свободой» (Макарова, 1958, с. 197).

Уже в этих первых строках очевиден бернсовский сарказм, заключающийся в переплетении лести, лукавой почтительности и подчеркнутой учтивости с цинизмом и варварским отношением к собственному народу, неприятием его свободолюбия, смелости, нежеланием признать за простолюдинами человеческое достоинство. Мрачный образ Вельзевулла получает в итоге комическую окраску, конфликт представителей разных общественных слоев обостряется, подчеркивается трагедия простых людей в эпоху социальных трансформаций. Зная о традициях и нравах шотландской аристократии, Вельзевулл прикрывает словами о «чести нации» свой призыв решительно расправиться с беглецами. По мысли Е. А. Макаровой, «гротескный характер центрального образа, подчеркнутая резкость языка, стремительный ритм стихотворения – все это подчинено задаче сатирика передать драматизм развертывающихся событий, ярость наступления реакции, растущую напряженность общественно-политической обстановки в стране» (1958, с. 198). Под воздействием ядовитой саркастической насмешки отходит на второй план страх перед грозной действительностью, становится понятной внутренняя неполноценность власти, кажущейся всесильной и непобедимой. Реалистическая трактовка социальной темы, как отмечает исследовательница, способствует акцентировке черт национального характера горцев-бунтарей, их упрямства в достижении поставленных целей.

Критические суждения Бернса направлены и в сторону вождей кланов, направляющих все усилия на ослабление сопротивления народа, но при этом полностью зависимых от аристократии. При обращении к ним льстивый язык Вельзевулла становится подчеркнуто резким, настойчивым: «Это уже не светская любезность, обращенная к людям “своего круга”: в отрывистых, повелительных фразах слышится жесткий тон диктатора, безоговорочно предписывающего свою волю угодливым слугам» (Макарова, 1958, с. 199). К этому голосу не могли не прислушаться раболепные шотландские вожди, которые за право бесконтрольно властвовать у себя на родине пожертвовали национальной свободой. При этом Бернс «не отказывает “высокочтимым членам дважды высокочтимого общества” в праве на историческую известность», саркастически приглашая вельможу «со временем занять подобающее ему место в аду рядом с Иродом и Поликратом» (Макарова, 1958, с. 200). В данном контексте оказываются совмещены мечта о восстановлении нарушенной справедливости, лукавая ирония, сарказм и напряженное ожидание расплаты, которая ждет не только в аду, но и на земле, где нет места деспотам и предателям.

Считая «Обращение Вельзевулла» одним из «наиболее характерных для Бернса произведений», Е. А. Макарова так разъясняет далее свои слова: «Многоплановость стихотворения, параллельное развитие нескольких сатирических мотивов, разнообразие способов создания комического эффекта, богатство художественных средств, начиная от широко распространенных в просветительской сатире (аллегория, противопоставление, речевой портрет и т. д.) и кончая своеобразными приемами Бернса (смена ритма или интонации), – все это типично для сатирической манеры поэта» (1958, с. 201). Вместе с тем в этой оде есть и нечто особенное, характерное лишь для небольшой части бернсовских текстов: акцентировка мрачных, темных красок, инфернальных мотивов, когда условия жизни, наполненной стрессами и разочарованиями, начинают напоминать картину загробного ада.

С «Обращением Вельзевулла» непосредственно перекликается пародийная «Ода на смерть миссис Освальд», написанная Бернсом в 1789 г. и основанная на мотивах народной песни «Прекрасный парень – шотландский горец» (Герасимов, 1959, с. 16).

В основе пародийной оды – усиливающееся ощущение расплаты, которая ожидает жестокого карателя Кумберленда, разгромившего якобитское восстание в 1745-1746 гг. Е. А. Макарова отмечает, что жалкая фигура Кумберленда, изворачивающегося и вопящего в тот момент, когда черти отправляют его в преисподнюю, очерчена предельно выразительными красками: «С такою же торжествующей радостью, с какой народ изобразил мученья ненавистного ему “мясника”, Бернс рисует появление помещицы в “темном подземелье”. Сатирический портрет предельно обобщен и в то же время сохраняет ярко выраженную характерность. Здесь всего два-три штриха, но тем значительней роль каждого из них. Даже “самое пристальное наблюдение” не может обнаружить ни малейших признаков человечности и доброты на “выцветшем лице, похожем на лицо сумасшедшей”. Глаза, не знавшие слез сочувствия, “затекли слизью”. Цепкие руки – руки обладателя “железного сундука Мамоны” “никогда не протягивались для помощи”. Оба “брали, но никогда ничего не давали”» (Макарова, 1958, с. 201-202).

Лаконично и выразительно прорисованный образ мисс Освальд коррелирует с образом лорда в поэме «Две собаки»: в обоих случаях поэт говорит о чуждости для знати простых человеческих чувств. По наблюдению Е. А. Макаровой, каждая деталь описания была нацелена на то, чтобы вызвать отвращение читателя, поскольку поэт не боится богачей, их могущества и влияния, а саркастически смеется над ними: «Он зло высмеивает неверную походку и согнутую фигуру помещицы, медленно и неохотно направляющей свои шаги к месту вечных мучений, где ей уже не помогут “десять тысяч сверкающих фунтов в год”» (Макарова, 1958, с. 202). Мотив неизбежной расплаты в пародийной оде выражен буквально: вдова отправляется в мир иной, не оплаканная никем; за ее гробом следуют проклятия простолюдинов. Пожалуй, именно этот мотив расплаты, неизбежно ожидающей деспотов и насильников, более всего сливается в бернсовском творчестве с утверждением светлого будущего, неизбежности прогрессивных изменений в жизни.

Заключение

Анализ статей Е. А. Макаровой «О сатире в творчестве Бернса» (1959) и «Социальная сатира в поэзии Бернса восьмидесятых годов» (1958) позволяет сформулировать следующие выводы:

Во-первых, установлено, что с точки зрения критического восприятия творчество Роберта Бернса в Советском союзе в 1950-е гг. воспринималось с идеологических позиций. Шотландского барда представляли как поэта-демократа с классовым сознанием, чье творчество имело прогрессивное и революционное значение. При критическом осмыслении произведений шотландского барда отмечались его осведомленность о тяготах бедного крестьянина-пахаря и его мечты о торжестве справедливости и равенства в будущем, ненависть к знати и сострадание к людям низших сословий.

Во-вторых, среди советских литературоведов наиболее пристальное внимание бернсовской сатире уделяла Е. А. Макарова. Она отдельно характеризовала произведения антиклерикальной направленности, а также тексты, высмеивавшие вождей шотландских кланов и нацеленные против английской аристократии, что соответствовало критике буржуазных устоев в обществе. На фоне многочисленных публицистических публикаций, появлявшихся на страницах советской печати в конце 1950-х гг., статьи Е. А. Макаровой отличались научной основательностью, глубиной осмысления наследия шотландского поэта. Вместе с тем все трактовки Е. А. Макаровой, основанные на господствовавшей в Советском Союзе идеологии, были излишне социологизированными и субъективными. В этой связи особенно важно отметить, как мастерски исследовательница обходила острые направления дискуссии, способные разрушить всю ее концепцию. Например, ее статьи не дают четкого понимания того, как можно соотнести тяготы крестьянского труда и воспевание патриархального быта крестьян, их веселых праздников, пирушек. В особо сложных случаях Е. А. Макарова обращалась к шаблонизированным образам, стремясь представить поэта предвестником революционного движения к светлому будущему, что было далеко от объективной реальности.

В-третьих, выявлено, что в критическом осмыслении Е. А. Макаровой сатира Бернса не ограничивается критикой церкви, а выступает инструментом обличения несправедливого распределения национального богатства, коррупции среди членов парламента и экономического и политического произвола крупных землевладельцев. Анализ художественной ценности творчества шотландского поэта показал тесное взаимодействие фольклорных и просветительских мотивов, что позволило мастерски сочетать в сатирических произведениях юмор и драматизм, использовать разговорный шотландский язык для создания острых и точных оценок, помогающих обличать в повествовании слабые стороны людей и их пороки.

Дальнейшая перспектива настоящего исследования может быть связана с анализом рецепции фольклорных мотивов в поэзии творчества Роберта Бернса и критического осмысления лирики шотландского барда на более современных этапах развития отечественного и зарубежного литературоведения. Также возможно сопоставление советской и постсоветской рецепции произведений Роберта Бернса различной жанровой направленности в диахроническом ключе для выявления смены идеологических парадигм.

Материалы исследования | Research materials

1. Макарова Е. А. О сатире в творчестве Бернса // Вопросы литературы. 1959. № 2.
2. Макарова Е. А. Социальная сатира в поэзии Бернса восьмидесятых годов // Романо-германская филология: сборник статей. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958. Вып. 2.

Источники | References

1. Алексеев М. П. Русско-английские литературные связи (XVIII – первая половина XIX века). М.: Наука, 1982.
2. Белашова Е. С. Переводы О. Чюминой из Роберта Бернса // Научный ежегодник ЧГУ за 1957 г. Черновцы, 1958.
3. Веселовский А. Н. Западное влияние в новой русской литературе: сравнительно-исторические очерки. Изд-е 5-е. М., 1916.
4. Веселовский А. Н. Историческая поэтика. М.: Высшая школа, 1989.
5. Герасимов Г. Шотландский бард // Новое время. 1959. № 8.
6. Гиривенко А. Н. Русский поэтический перевод в культурном контексте эпохи романтизма. М.: Изд-во Университета Российской академии образования, 2000.
7. Елистратова А. А. Роберт Бернс: критико-биографический очерк. М.: Гослитиздат, 1957.
8. Жаткин Д. Н. Роберт Бернс в ранних русских переводах (к постановке проблемы) // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2008. Вып. 5 (61).
9. Жирмунский В. М. Байрон и Пушкин. Пушкин и западные литературы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1978.
10. Колесников Б. И. Роберт Бернс: очерк жизни и творчества. М.: Просвещение, 1967.
11. Коптелов А. Л. На родине великого шотландца // Сибирские огни. 1959. № 1.
12. Левин Ю. Д. Восприятие английской литературы в России: исследования и материалы. Л.: Наука, Ленинградское отделение, 1990.
13. Орлов С. А. Бернс в русских переводах // Ученые записки Ленинградского государственного педагогического института им. А. И. Герцена. 1939. Т. 14.
14. Райт-Ковалева Р. Я. Роберт Бернс. М.: Молодая гвардия, 1959.
15. Федоров А. В. О художественном переводе. Л.: ОГИЗ; Гослитиздат, 1941.

16. Zhatkin D. N., Futljaev N. S. “The Cotter’s Saturday Night” by Robert Burns in Russian translations of the XX – the beginning of XXI century // Amazonia Investiga. 2019. Vol. 8. Núm. 19 (Marzo – Abril).
17. Zhatkin D. N., Yashina T. A. Publicistic articles of soviet writers about Robert Burns and his creativity works in the periodicals of 1930-1970 years // Revista San Gregorio. 2019. № 34. Special Issue. November. https://doi.org/10.36097/rsan.v0i34.1168
18. Zhatkin D. N., Yashina T. A. Robert Burns in the soviet publicism of 1960-1970s // Humanidades Inovacao (Brazilian). 2021. Vol. 8. № 31

Информация об авторах | Author information

RU

Яшина Татьяна Анатольевна[1], к. филол. н., доц.
Холодкова Юлия Владимировна[2], к. филол. н.
Дронова Ольга Викторовна[3], к. филол. н., доц.
[1] Пензенский государственный технологический университет
[2, 3] Пензенский государственный университет

EN

Tatiana Anatolyevna Yashina[1], PhD
Yuliya Vladimirovna Kholodkova[2], PhD
Ol’ga Viktorovna Dronova[3], PhD
[1] Penza State Technological University
[2, 3] Penza State University

[1] *yashina_tanya@mail.ru,* [2] *Julia.kholodkowa@yandex.ru,* [3] *olgadronova8@yandex.ru*

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 28.09.2026; опубликовано online (published online): 30.10.2026.

Ключевые слова (keywords): Роберт Бернс; Е. А. Макарова; литературная критика; эволюция сатиры; советское литературоведение; Robert Burns; E. A. Makarova; literary criticism; evolution of satire; Soviet literary studies.